

Вольф Москович

С.М. Шварцбанд в Иерусалиме

С Самуилом Моисеевичем (Сеней) Шварцбандом я познакомился в 1983 году после его переезда в Израиль. Он пришел ко мне как заведующему кафедрой славистики в Еврейском университете Иерусалима в поисках работы. Пришел с улицы, без рекомендаций коллег, с весьма скромным списком публикаций. Ему было тогда 43 года. И это на фоне обращений других высококвалифицированных иммигрантов - русистов, каждый из которых заслуживал внимания и поддержки. После нескольких встреч с Сеней я все еще не мог принять решения. Повлияла настоятельнейшая просьба Лазаря Флейшмана, давшего Сене весьма лестную характеристику. Сам Флейшман, как и Омри Ронен, оставлял в то время нашу кафедру из-за разногласий с одним из наших влиятельных коллег - литературоведов. Впрочем, эти обстоятельства отражены в их опубликованных воспоминаниях.

В то время я еще не отдавал себе полностью отчета о том израильском явлении, которое называется "прибалтийской/ рижской мафией". И Сеня, и Флейшман рижане. Повидимому это был один из факторов, побудивших Флейшмана поддержать Сеню как земляка. Впоследствии я узнал, кто стоял за этим обращением ко мне. Сеня познакомил меня с одним из своих общих с Флейшманом друзей Феликсом Левичем, бывшим проректором Рижского

университета. Гениальный математик, успешный израильский предприниматель, мультимиллионер, знающий все входы и выходы в небольшом еврейском государстве, он стоял как скала за своими друзьями-рижанами и они, не имевшие опыта в новой для них израильской среде, получали должную ориентировку и поддержку.

И Сеня совершил невозможное! Пройдя через все испытания, работая на пределе сил, опубликовав пять книг о Пушкине, ряд статей, отредактировав более десятка томов, он через лет пятнадцать стал профессором Еврейского университета в Иерусалиме. Хотя слишком многое было против него - и возраст, и конкуренция других сильных кандидатов на должность, и глухое недоверие некоторых коллег, и неспособность давать лекции на иврите, и незнание английского и других иностранных языков.

Этот удивительный человек, сочетавший в себе таланты прекрасного лектора, ученого, поэта, художника и еврейского народного мудреца, обладал секретом выживания. Причем охотно делился этим секретом с другими, помогая чем мог десяткам и сотням иммигрантов.

Его жизненные обстоятельства в Советском Союзе не были легкими. Он рассказывал об отчине, избивавшем его смертным боем, о занятиях в секции спортивной гимнастики, дававших ему достаточные силы и тонус для самозащиты и дома, и на улице, об армейской службе, где в драке ему выбили зубы. Научная карьера тоже складывалась с трудом. До эмиграции он работал какое то время в Бийском пединституте, редактором патентной службы в Риге. Затем был период жизни в отказе.

Вероятно, определяющим в становлении его характера была семья матери, происходившая из самой гущи еврейского народа черты оседлости. Именно здесь я склонен видеть источник и его всепобеждающего оптимизма, и его неиссякаемого фантазерства (вспомним героев Шолом Алейхема - вечного прожектера Менахем Менделя или Эли, брата мальчика Мотла, с его настольной книгой "Сто способов, как заработать деньги").

Сеня не имел права проигрывать, ему надо было выжить в любых условиях, он был в тяжелые минуты полон надежды, что завтра судьба повернется к нему лицом. Этим, любовью к выпивке и застолию, а еще восторженностью и верой в чудеса, он напоминал еврея из хасидской среды. Изредка он сопровождал меня при встречах с потенциальными спонсорами наших кафедральных проектов. В тот момент, когда они объявляли, что мы получим солидный грант, надо было видеть его глаза, полные удивления и восторга, то, с каким восхищением он смотрел на спонсоров как на добрых духов из волшебной сказки, а на меня как на медиума (своего рода Баал Шем Това), обладавшего секретом вызывания добрых духов и общения с ними. Да, он верил в чудо! Для современного сугубо светского еврея это редкая черта.

Обычно идеи Сени были подобны планам постройки Нью Васюков, надо было опускать его на землю, думать и об университетской поддержке, и об источниках финансирования. Помню его грандиозный проект выпуска в Иерусалиме силами наших специалистов обширной серии лекций по славистике для использования в качестве учебных материалов на славистических кафедрах разных стран мира.

Успешной оказалась его идея проведения в Иерусалиме больших международных конгрессов по взаимодействию культур.

С 1993 по 2005 год удалось организовать четыре таких конгресса. Время было благоприятное для развития контактов Израиля с коллегами из постсоветских государств - по линии этих конгрессов приехали сотни славистов из 38 стран Востока и Запада.

Здесь полностью развернулись организаторские способности и предприимчивость Сени. Конгрессы сопровождались замечательными экскурсионными поездками по Израилю.

Материалы конгрессов отражены в серии книг "Евреи и славяне". Сеня был соредактором первых пяти томов серии. Он быстро освоил необходимые компьютерные программы и выполнял в одном лице функции издательства.

Сенина благожелательность и доброта в отношениях с его подопечными - студентами, аспирантами и теми иммигрантами, кому улыбнулись его покровительство и забота, - были безграничными. Благодаря его опеке ряд ученых, не знавших, каким образом воспользоваться правилами израильского Министерства Интеграции Иммигрантов, получили работу в разных университетах этой страны. В критические моменты, продвигая своего подопечного, Сеня мог устроить разъяснительную беседу или даже громкий скандал в офисе той личности, которая была препятствием к успеху. При этом он подвергал опасности свою собственную карьеру, ибо люди бывают злопамятными. Таким образом ему удалось сохранить в Еврейском университете не только Владимира Ильича Хазана, но и ряд других достойнейших специалистов.

Известны случаи, когда Сеня безвозмездно в критические моменты приводил в должный вид и редактировал рукописи своих друзей.

Мне кажется, что принцип благотворительности, взаимопомощи как высшей ценности были унаследованы Сеней из этики поведения, присущей еврейской традиции. Причем Сеня выделялся своей широкой душой из массы новых иммигрантов, выходцев из бывшего Советского Союза. Среди них лишь единицы могут сравниться с ним по степени личной жертвенности, по количеству добрых дел и поступков. Сеня годами следил за судьбой своих подопечных, заботясь об их благосостоянии. Они составили часть его широкого круга друзей в Израиле.

Когда кафедре удалось получить дополнительную профессорскую ставку для выдающегося слависта из постсоветского пространства, именно Сеня предложил кандидатуру рижанина Романа Давидовича Тименчика. Этот выбор оказался счастливым. Сыграл ли здесь свою роль упоминавшийся уже фактор солидарности рижан остается неизвестным. Ведь Сеня отнюдь не принадлежал к элитарной московско-тартуской семиотической школе, позиции которой на кафедре только усилились с приходом Тименчика и ожидать существенной поддержки с этой стороны его неустойчивому положению он ожидать не мог. Тименчик на нашей кафедре - несомненно заслуга Сени.

Сене повезло с женой. При всех переездах и трудностях, жизненных бурях и катаклизмах Роза оставалась надежным якорем семьи. Дом всегда был открыт для гостей по поводу и без повода. Сеня, хлебосольный хозяин, отличный повар, ставил на стол блюда собственного изготовления, водка и вино лились рекой.

В памяти друзей и коллег Сеня остается крайне отзывчивым человеком, сделавшим много добра людям на этом свете. Как в высшей степени творческая личность он оставил после себя ценные научные труды, талантливые стихи и картины.